

Н. В. Успенский

Детство Гл. И. Успенского

Было бы крайней несправедливостью, сообщая хотя бы и летучие сведения о русских писателях, не упомянуть о таком крупном и выдающемся литературном деятеле, как Глеб Иванович Успенский, тем более что за отсутствием разного рода корифеев он и гр. Толстой украшают своими сильными фигурами опустевший Парнас, к вершине которого, как известно, ведет "дорога негладкая"... К сожалению, оба названных писателя, по-видимому, находятся не совсем в дружелюбных отношениях между собой.

Между воззрениями Гл. Успенского и гр. Толстого заключается целая бездна, и в литературной деятельности того и другого усматривается самый напряженный антагонизм, производящий удручающее впечатление на читающую публику.

Я знал Глеба Ивановича с самого раннего его возраста благодаря тому простому обстоятельству, что привожусь ему двоюродным братом. Я был смиренный бурсак, воспитывавшийся "на медные деньги" и содержавшийся "в черном теле", а он проходил гимназический курс и пользовался всеми земными благами от трапезы "богатого Лазаря" - своего отца, который занимал должность секретаря в палате государственных имуществ и имел возможность не только жить на барскую ногу, но и благодетельствовать своим "присным" (а их был целый легион), выдавая замуж какую-нибудь родственницу за сельского учителя, дьякона или "палатского" чиновника, снабжая советами и деньгами сомнительного вида "погоревшего" пономаря, который являлся к нему в качестве земляка, односельца или товарища по семинарии, из которой он, якобы по недостатку средств, возвратился вспять... На дворе Ивана Яковлевича (отца Глеба Ивановича) ежедневно толпилась масса народу, в которой можно было встретить и цыгана, продающего лошадь, и сельского голову, увешанного медалями и державшего в руках обширную лохань с живыми карпиями и баснословной величины налимами, равно как и целое полчище дьячих, пономарей, семинаристов и даже спившихся с круга профессоров семинарии, преподавателей "герменевтики и обличительного богословия", неверными шагами пробиравшихся сквозь толпу народа в прелестный сад с клумбами цветов, беседкой, на куполе которой, эффектно оттеняемом голубым фоном, мерцали яркие звезды, и, наконец, скромно ютившейся у забора баней, где обыкновенно находили себе безмятежный покой все полупьяные родственники Ивана Яковлевича, не исключая лиц "сладкой породы", в образе какого-нибудь геркулесовского телосложения протодьякона, напоминавшего своей ужасающей персоной мифического Полифема, который некогда хотел с аппетитом поужинать Одиссеем и его спутниками.

Преобладающий состав контингента посетителей отца Глеба Ивановича составляли крестьяне-однодворцы, стоявшие на очереди "отбывания воинской повинности" и сгоравшие непреодолимым желанием, чтобы им "выстригли затылок", а не лоб, причем каждый из них запасался известным приношением. Почти все они сплошной массой толпились в длинном и просторном коридоре, который представлял из себя подобие вокзала железной дороги...

При такой обстановке провел свое детство и отрочество наш талантливый современный писатель Глеб Иванович Успенский. Нельзя сказать, чтобы эта обстановка не благоприятствовала развитию его творческих сил. С юного возраста он был уже знаком с типом какого-нибудь сельского головы или старосты, с сельским духовенством и печально доживающим свой век мужичком, по милости забритого лба его кормильца-сына...

Считаю нелишним заметить, что мой отец весьма ловко пользовался влиянием своего брата на судьбу однодворцев: расхаживая по приходу, он положительно терроризировал целые деревни, оповещая всех и каждого, что ему стоит только написать две строки *брату*, чтобы низвергнуть чуть не в область Аида любую крестьянскую семью...

А между тем даровитый и впечатлительный мальчик (будущий знаменитый русский писатель) жадно всматривался в ужасающую действительность и с напряженным вниманием вслушивался в рассказы о народном быте...

Мое отрочество и детство Глеба Ивановича Успенского представляли собой два радиуса, центром которых служил нам общий дедушка, пономарь Чернского уезда, имевший счастье принимать в своей скромной хижине И.С. Тургенева. Направление упомянутых радиусов выражалось в том, что я, несмотря ни на какие метеорологические пертурбации, совершал путешествие в семинарию пешком, а юный Глеб Иванович ездил в гимназию на щегольской пролетке и прилежно учился, ежедневно отдавая строгий отчет в своих успехах родителю; я всячески старался уклониться от слушания лекций семинарских профессоров и возвращался из рассадника благочестия в свою квартиру, встречаемый известием кухарки, что руководители моего умственного и нравственного развития все без исключения разошлись